

На самом деле это не было случайностью. Дуань Сыцунь уже много лет занимался благотворительностью: оплачивал лечение детям из бедных семей и брошенным младенцам.

— Я живу один, денег мне нужно немного, вот и хотелось хоть как-то... — сказал он.

Лян Чэн безучастно отвернулся.

Дуань Сыцунь не стал продолжать. Когда Лян Чэн ушел тогда, не попрощавшись, чувства учителя пережили немало перемен. Он постоянно думал: продолжил ли Лян Чэн учебу? Кем работает? Смог ли исполнить свою мечту и стать врачом?

Сегодня все подтвердилось, и строить догадки больше не требовалось. Но он даже представить себе не мог, сколько усилий пришлось приложить Лян Чэну, чтобы пройти путь от тогдашней безысходности до нынешнего положения.

Любые слова казались блеклыми. Дуань Сыцунь спросил:

— Как ты жил все эти годы?

— Хорошо, — ответил Лян Чэн. Его голос звучал ровно и отстраненно, еще холоднее, чем восемь лет назад. — Я начал новую жизнь и оставил прошлое позади.

Наверху что-то с грохотом упало. Лян Чэн наконец сдвинулся с места и подошел к лестнице.

Дуань Сыцунь окликнул его в спину:

— Лян Чэн.

Лян Чэн остановился.

Почти шестидесятилетний мужчина сбросил маску профессорского достоинства, которую носил полжизни, обнажив лишь глубокую горечь. Дуань Сыцунь тихо произнес:

— Ты сегодня так ни разу и не обратился ко мне.

— А как ты хочешь, чтобы я тебя назвал?

Лян Чэн слегка приподнял подбородок, и в его взгляде вспыхнула издевка:

— «Учитель Дуань» — разве ты не это слушал столько лет?

С лестницы, тяжело дыша, кубарем скатился бордер-колли. Следом спешил Цяо Юаньлинь, растопылив перепачканные слюной пальцы. Он так торопился, что оступился и на последних ступеньках полетел вниз.

Лян Чэн ловко подхватил его, мгновенно вернув лицу обычное выражение:

— Осторожнее. Вы там ничего не разбили?

— Нет, это прыгун Чэнцзы укатился. — Цяо Юаньлинь глянул в сторону дивана и заметил, что лицо Дуань Сыцуня выглядит как-то странно. — Брат, а о чем вы разговаривали с учителем Дуанем?

— Ни о чем, — ответил Лян Чэн. — Нам пора.

Цяо Юаньлинь хотелось вымыть руки, но Лян Чэн уже направился к выходу. Пришлось поспешить за ним. На ходу он обернулся попрощаться:

— Учитель Дуань, мы пойдем. При первой возможности я снова навещу вас!

Из-за больной ноги Дуань Сыцунь не успел быстро подняться и лишь молча провожал их взглядом, сидя на диване. В машине Цяо Юаньлинь выдавил на ладони немного антисептика и, растирая его, посмотрел на окна первого этажа.

Лян Чэн без тени сожаления завел мотор. Лицо его было сурово, а в поведении вновь сквозила та же холодность, что и восемь лет назад.

Цяо Юаньлинь терялся в догадках. В тот год исчезновение Лян Чэна стало ударом не только для него самого — учитель Дуань тоже глубоко переживал. Он выглядел настолько подавленным, что одноклассники решили, будто в его семье стряслась беда.

На полпути он не выдержал:

— Почему ты так холоден с учителем Дуанем?

Лян Чэн промолчал, сосредоточенно глядя на дорогу.

— Учитель Дуань действительно возлагал на тебя большие надежды. Пусть вы и не виделись почти десять лет, и бывшая близость угасла, нельзя же быть настолько чужими, — не унимался Цяо Юаньлинь. — Да и в школьные годы ты относился к нему как-то отстраненно. Совсем не так, как ученики обычно относятся к учителям.

— Хватит о нем, — отрезал Лян Чэн.

— Мне просто кажется, — попытался объяснить Цяо Юаньлинь, — что раньше ты стыдился тюрьмы и неустроенной жизни, поэтому тебе было тяжело смотреть в глаза человеку, который в тебя верил. Но сейчас-то все позади.

— Цяо Юаньлинь, прекрати.

— Я же видел, как учитель Дуань обрадовался тебе. За столько лет он выучил множество ребят, но ты всегда оставался его любимым учеником.

— Это его личное дело, мне плевать, — глухо отозвался Лян Чэн.

— Но почему? Он так расстроился, когда мы уходили, — разволновался Цяо Юаньлинь. — Он попал в аварию, теперь хромот. В его возрасте остаться совсем одному, без близких...

— Это его заслуженная кара, — отрубил Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь резко повернулся к нему:

— Что... что ты такое говоришь?

Лян Чэн больше не желал произносить об учителе Дуане ни слова.

— Я черствый человек. Не ищи у меня сочувствия.

Цяо Юаньлинь ошеломленно замер. Он не мог поверить, что Лян Чэн способен на такие слова,

а уж тем более — что их произнес врач. Он плотно сжал губы, чувствуя, как внутри все рушится.

До самого конца пути они не проронили ни слова. «Мерседес» стремительно летел по дорогам и замер у жилого комплекса «Минху», выпустив последнее облако выхлопных газов.

Не дожидаясь Лян Чэна, Цяо Юаньлинь первым вошел в дом. И Цяо Вэньюань, и Хэ Цзе были дома. Прошлую ночь сын провел не дома, да и сейчас пришел с пустыми руками — совсем не похоже на человека, возвращающегося с работы.

Стоило Цяо Вэньюаню открыть рот, как Цяо Юаньлинь предупредил вопрос:

— Мне нездоровится, я к себе.

— Ты показывался врачу? — обеспокоенно спросила Хэ Цзе.

— Врач идет следом, у него и спросите, — бросил Цяо Юаньлинь и, не оборачиваясь, скрылся в своей спальне, с грохотом захлопнув дверь.

Лян Чэн ненадолго задержался во дворе. Он закурил, позволяя никотину унять взвинченные нервы, и вместе с успокоением ощутил легкий укол сожаления.

Дождавшись, пока выветрится запах табака, он зашел в прихожую и прибрал в шкаф кроссовки Цяо Юаньлиня, которые тот небрежно сбросил как попало.

Навстречу ему вышла Хэ Цзе:

— Что с Юаньлинем? Почему он заболел?

— Простудился, поднялась температура, — ответил Лян Чэн и направился было к спальне, но в этот момент из кухни вышел Цяо Вэньюань с пиалой горячей каши. Лян Чэн замер: не стоило лезть поперек родного отца.

Пальто и шарф валялись на постели. Цяо Юаньлинь стоял у изножья и метал дротики. Попад точно в «яблочко», он со всего маху плюхнулся на кровать и тут же замер, вытянув шею от пронзившей тело боли.

Он болезненно вскрикнул и вытянул ноги, пытаясь унять ломоту в мышцах. Вчерашняя ночь была такой сладкой и нежной, с него сдували пылинки — как же они умудрились поссориться сегодня?

Неужели это начало бойкота?

На душе было скверно. С тех пор как они снова встретились, Лян Чэн ни разу не разговаривал с ним резко и даже голоса не повышал, так что Цяо Юаньлинь успел позабыть, каково это — изводить друг друга молчанием.

Возможно, произошло какое-то недоразумение, но делать первый шаг и извиняться он не собирался. То, что Лян Чэн наговорил в машине, просто не укладывалось у него в голове.

Пока он терзался сомнениями, вошел Цяо Вэньюань с горячей кашей. Посмотрев на мишень на стене, он заметил:

— Раз есть силы кидать дротики, значит, не все так плохо.

— Обычная простуда, — буркнул Цяо Юаньлинь.

— У тебя и так иммунитет слабый, а ты себя совсем не бережешь. — Цяо Вэньюань поставил пиалу на стол и коснулся лба сына. — Да, горячий. И где тебя так продуло?

Цяо Юаньлинь увернулся и поспешно поправил челку, закрывая лоб:

— Все нормально.

— Чего это ты так занервничал? — удивился Цяо Вэньюань.

— Да нет... Просто недолюбливаю вас, людей в белых халатах, — Цяо Юаньлинь почесал уголок глаза. — Пап, я сегодня встретил своего школьного классного руководителя. Он в разводе, детей нет, живет совсем один, только собаку держит.

— Можешь даже не намекать, никаких собак в нашем доме не будет, — отрезал Цяо Вэньюань.

— ...И как только с твоей понятливостью тебя назначили главврачом? — вздохнул Цяо Юаньлинь. — Я к тому, что он совсем один на старости лет. Одинокий старик.

Цяо Вэньюань снова убрал волосы с его лба:

— Вот именно, так что береги здоровье, чтобы мне на старости лет не пришлось так же куковать в одиночестве.

Цяо Юаньлиня тронули эти слова, но он решил воспользоваться моментом и прощупать почву:

— Пап, а если я буду жив-здоров, ты ведь примешь любой мой выбор?

— Ты уже выучился на журналиста и работаешь в газете, чего еще тебе хочется? — тут же отозвался отец. — Я потакал тебе, потому что боялся обделит вниманием после второго брака, но это не значит, что я стану баловать тебя до бесконечности. Если ты пойдешь грабить или убивать, я первый сдам тебя полиции.

— Да нет же! — осторожно начал Цяо Юаньлинь. — Ну, например, если я выберу себе пару, которая тебе не очень понравится... То есть, удивит тебя.

Цяо Вэньюань мысленно перебрал возможные варианты этой «неожиданности». Иностранец? Инвалид? Или кто-то его возраста?

Ему хотелось расспросить сына подробнее и предостеречь, но бледный и изможденный вид Цяо Юаньлиня вызывал лишь жалость. Поэтому он ограничился ворчливым:

— Главное, чтобы этот человек тебя любил.

Цяо Юаньлинь вдруг почувствовал себя обиженным:

— А если он будет груб со мной?

Дверь была приоткрыта, и на пороге показался Лян Чэн.

Цяо Вэньюань терпеть не мог утешать капризы и поспешил переложить ответственность:

— Даже если ты свяжешься с мегерой, это будет твой личный выбор. Ко мне не лезь, пусть

брат за тебя заступается.

Договорив, Цяо Вэньюань вышел. Лян Чэн зашел в комнату, прикрыл дверь и опустился на корточки перед сидящим на кровати Цяо Юаньлинем.

Глядя на то, как Лян Чэн первым делает шаг к примирению, Цяо Юаньлинь наполовину остыл, но из упрямства продолжал молчать.

Внезапно Лян Чэн склонил голову и прижался лицом к его коленям, выказывая редкую покорность и потребность в поддержке.

Цяо Юаньлинь растерялся:

— Что с тобой?

— Я давно об этом знаю, — впервые озвучил свою тайну Лян Чэн. — Дуань Сыцунь — мой отец.

Цяо Юаньлинь долго не мог прийти в себя от изумления. Он приподнял Лян Чэна за подбородок и заглянул ему в лицо: на нем не было и тени улыбки. Да и кто стал бы шутить о подобном?

Он потянул Лян Чэна вверх, усаживая рядом с собой. Лян Чэн смотрел прямо перед собой в пустоту, окутанный глухим, почти осязаемым одиночеством.

Он был уверен, что унесет эту тайну в могилу, но внезапное появление Дуань Сыцуня все перевернуло. Приходилось признать: в его душе воцарился полный хаос.

<http://bllate.org/book/18284/1753107>